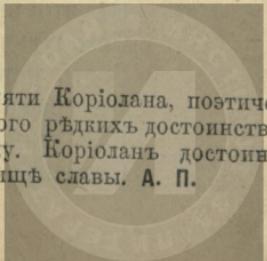

Въ мрачной думѣ вождь верховный,
Послѣ тягостнаго дня,
Одинокъ сидѣлъ безмолвно
У отраднаго огня.
Все вокругъ его дышало
Незабвенної стариной
И невольно вспоминало
Славу жизни молодой:
Шлемы, панцыри и латы,
И тяжелые булаты,
Иззубренные въ бояхъ,
Передъ нимъ въ отцовской сѣни
Отсвѣчались на стѣнахъ —
И порой какъ будто тѣни
Трепетали на гробахъ.

V.

Охранитель беззащитныхъ,
Раболѣпственныхъ владыкъ,
Онъ на битвахъ кроволитныхъ
Былъ отваженъ и великъ;
Самъ орель Капитолійскій
Рогъ гордыни Италійской,
Для тирановъ роковой,
Не помогъ стереть кичливо
Надъ его вольнолюбивой,
Серебристой головой *).
Только разъ онъ, въ вихрѣ боя,
Палъ разбитый и отъ раны;
Но тогда его, героя,
Побѣдилъ Коріоланъ.
Это имя было казнью
Въ непокорныхъ племенахъ
И съ невольною боязнью
Повторялось на устахъ;
Это имя ужасало
И народы, и царей,
И, какъ буря, навѣвало
Хладъ на души матерей...

*) Да простятъ мнѣ, изъ уваженія къ памяти Коріолана, поэтическую вольность, съ которой приписалъ я много рѣдкихъ достоинствъ едва известному по истории Аттию Туллу. Коріоланъ достоинъ быть имѣть знаменитаго соперника на поприщѣ славы. А. П.